

ТРЕТЬЯ ХОДКА

credentials

Жил человек, его звали так-то и так-то,
сын такого-то – впрочем, он явно и сам не промах,
во чужом пиру, не имея довольно такта,
бушевал, насмешничал – в царских, порой, хоромах.

Он умел на меч насадить за косые взгляды,
надломить копье, уплывая от пьяной погони,
если надо – вдоль леса увлечь боевые отряды,
и по морю прокладывать путь при любой погоде.

На зеленом острове дом он поставил. Пашню
распахал, несчетно добычи свез из набегов,
подбавляя побольше крови, поменьше фальши,
он сидел у огня, говоря за вещей Олегов.

Если в браге отрава – рог прорезают руны,
грабежей и негоций след – за кормой теряться,
поднимаются солнца, ночь освещают луны,
и из уст жестоких – рокот аллитераций.

2008

Ponte sul Felizon

Осень, билирубин
тех, кто не вечнозелён.
Пятна вольных рябин,
клен залетный – так клен.

Две державы на спор,
боевой дирижабль,
рельсы, канат, топор,
трое убитых. Жаль.

В гору входит туннель,
насквозь пройдет, до дна.
Нижней рубахи фланель –
кровь уже не видна.

Мост ложится на скат.
Не пролежит века.
Так спускаются в ад –
но без проводника.

Вот имперский сапер
вымерил новый пролет.
В сердце разрушенных гор
если уж лед – так лед.

2007

памяти Пушкина

I

и он бы мог как шут скользнуть
по легкому паркету
и он бы мог как шут дерзнуть
на ту или на эту
и он бы мог как шут как шут
меж небом и землю
висеть
прозрачный парашют
мембрана
тьень алоэ
и он бы мог и он бы мог
как шут как шут как шут как бог
и он бы мог

II

александр сергеич явился на бал в сапогах
пусть по ошибке но всё одно не по форме
выводок дебютанток фактически распугал
им не к лицу порхать на некомльфоне

нет мельтешить с сачком на фамильных лугах
трогать соседских барышень за живое
он же пусть по ошибке на бал в сапогах
с бала взбешен но в карете но без конвоя

гнать бы ему коня в бессарабскую степь
легкий ковыль сливая в вольные волны
топчется меж четырех золоченых стен
где заводят пиры затевают войны

гнать бы ему кибитку в яйцкий простор
остужая бураном кипучий норов
где разносит оплоты емелька вор
где собирает виселицы суворов

верно придворный миньон опасная роль
и культура отделена от власти недавним декретом
но без присмотра всякая шваль и голь
и себя и ближнего величает поэтом

вольному воля сказал старик гераклит
буйному бойня добавил циник-историк
глянь кто-то в море давно по колено стоит
что за рыбку он ловит может не стоит

III

Редееет облаков
летучая гряда,
таинственная тьма
приходит из-за моря.
Когда-то ты уйдешь,
когда-нибудь, когда,
когда-то ты уснешь,
ни с кем живым не вздоря.

Редееет облаков,
и памяти, и лет,
и что там ни гряда –
редееет и редееет.
И от земли тепло,
и из-за моря свет,
и наплывает тьма,
и вот уже владеет.

Но остается день –
неведомый пока –
целительный, связной –
благодаря природе,
когда по-над тобой
редееют облака,
и небо в вышину,
еще светясь, уходит.

2008

* * *

Мальчишка, знающий связь слов,
сложил три строчки – и был таков.
Зачем ты, мальчишка, сказал, кому –
«и зло наскучило ему»?
Мальчишка, что бы судьба ни плела,
не видно скучающего зла.
Куда ж ты, куда ты, стой, объясни –
и только потом усни.

2008

астро

кто над нами вверх ногами
расправляет оригами
и изнанку заполняет
драгоценными слогами

кто развесил там покров
неохватных катастроф
дыры темновых материй
поглощение дум и слов

под надзором гесперид
наверху звезда горит
и покуда не исчезла
со звездой говорит

2008

бересклет

Геле Гриневой

Занимается дымчатый серый рассвет.
Черно-алый глазок отворил бересклет:
почтальон с отвращением крутит пакет –
ищет смазанный адрес,
и дорога бежит, упираясь в распад, –
на краю еженощных своих эскапад
раскрываешь, как главную весть, наугад
ботанический атлас.

Так случается – сонную рошу с утра
разъерошат небрежным касаньем ветра,
и тропа по ущелью на камень щедра
или перышко мяты. –
Тонкой веной взбегают цикадная трель,
полутенью на отмель выходит форель,
и пчела выбирает незримую цель,
покидая пенаты.

Ей еще позудеть, собирая пергу,
нализаться, остаться надолго в долгу,
зарываясь слезой в лепестковом снегу,
жалом вздрагивать жадно, –
подражая неслышимой музыке сфер,
нагудеть на пчелиный басовый манер
мелодраму, комедию, или пример
благородного жанра.

Отделившись, похоже, от всех пуповин,
ты из тех, кто с ребром, предпочел бы один

не пиры сопряжения двух половин,
а слепые объятья,
но давно миновав середину пути,
понимаешь, что время платить во плоти –
признавайся, ужели не мог ты найти
поскромнее занятья.

Мы пришли любопытство свое утолить –
не о чуде молить, и не свечи палить,
и не кутаться в белый с лазурью талит –
это все наносное...

Затевая пространство, и голос, и слог,
и семь пар недобитых ведя на порог,
почему же в начале не мог ты, мой бог,
выразаться яснее?

Там на склоне багровый горит бересклет, –
может, это и есть твой лукавый ответ:
растолкуй откровение или запрет –
все сокроется в дымке.
Опозданье, неведение или вина, –
но куда эта длительность обращена,
для кого та пылающая купина
остается на снимке?

2006

ХЛОПОТЫ

по заветной делянке
сновали танки
то тут то там
рассовывая по углам
величье страны родной
хмельной мирной заводной

2008

* * *

Извините, но эта страна
опасна при артобстреле.
Извините, но эта стена –
не стена. На самом-то деле
здесь вывешиваются списки
лишенных прописки
на этом проклятом свете,
но главные – пока в секрете.

2008

экстерном

Занимайся настырно
и зубри торопливо:
«надо править бесстыдно»,
и «проливы, проливы».

2008

о погоде

Стояла чудная погода,
люди собирались на обед,
а враг какого-то народа
бубнил свой просвещенный бред.

Вещал, глаза полускрыв:
мол, подберемся, потеснимся,
в одну семью соединимся
когда-то. Распри позабыв.

2008

ретролингвистика

Если идти за корнями «люблю», «убью»,
за бытованием, чередованием звуков,
можно ретроспективно застать в раю
шорохи выноса к бою щитов и луков,

или – что у них было – рубил, дубин,
шкур в колтунах, не тертых еще квасцами,
слово затылком помнит: убил, любил –
словно волчица сцеженными сосцами.

Слово – суставчатый остов, оно – обезьяний ген,
перебирай – по-дружски – стертые чётки:
что случалось, сочилось, кого уводили в плен,
сorrowные гати, бегств от голода метки.

Множащейся дрозодилы от века белы глаза,
слово устало, сникло, подвяли звуки,
стало можно – кажется, было тогда нельзя,
луки, копыя, серпы, тамбурины, луки...

Сводится всё к тому, что оно идет
в сторону моря, туда, где фонемы немы.
Вёсел ряды, на закат нажимает флот,
брызги звуков слизнешь – припомнишь: триремы.

Перетекает язык в язык, словарь в словарь,
розы – в розы, язвы, понятно, в язвы.
Что повторяют, токуя, тетерева,
что на бесшумной ноте промолвят язи?

Рей, виноградная кисть, как герольдов флажок,
вызов труби, рожка безумная глотка.
Рваная рана. Факел поднес, прижег.
Это за словом, кажется, третья ходка.

2008